

13 мая 1944 года.
Начало допроса в 12 час.
Допрос окончен в 17 час. 10 мин.

— Являясь резко враждебно настроенным к коммунистической партии и советской власти, среди своего окружения вы в течение длительного времени проводили антисоветскую работу. Между тем на следствии, в своих показаниях вы до сих пор еще пытаетесь отделаться буквально пустяками. Предлагаем прекратить бесполезное запыление и показывать о конкретных фактах вашей враждебной работы.

— Враждебно настроенным к коммунистической партии и советской власти я никогда не был и показывать об этом ничего не могу.

На предыдущих допросах о фактах своей антисоветской работы я уже показывал. В частности, я показал, что моя антисоветская работа выражалась в том, что я написал ряд произведений антисоветского содержания, которые распространял в кругу своих знакомых. Одновременно с этим, в кругу также своих знакомых я вел антисоветские разговоры. В своих антисоветских высказываниях я утверждал, что в Советском Союзе, в противоположность буржуазно-демократическим стран, якобы, отсутствует свобода слова, печати, дескать, не существует как учения, а он, мол, является «нелепой выдумкой Горького».

Считая себя противником философии марксизма-ленинизма, я утверждал, что она для меня неприемлема, что марксистская формула «Бытие определяет сознание» совершенно неправильна, так же, как я не считал для себя приемлемой и формулу философов-идеалистов, где сознание является приоритетом над бытием. Я считал, что нужно к философии марксизма внести коренные поправки, в виде принципов учения об условных рефлексах.

Здесь я доказывал, что решение целого ряда философских вопросов должно протекать не только с помощью исторических и социально-экономических факторов, но и с помощью физиологических категорий, что, например, на формирование взглядов и убеждений человека влияет не только и не столько окружа-

К 25-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АРКАДИЯ БЕЛИНКОВА

Русская мысль. — Париж. — 1995. — 2 нояб. — с. 11. ГОРЕ УМУ

ющая среда, а в большой мере на это влияет наличие врожденных задатков у индивидуума.

— Вы по-прежнему пытаетесь отделаться частичными показаниями о своей враждебной работе и упорно скрываете факты своей антисоветской работы, направленной к подрыву и ослаблению советской власти.

Известно, повторяем, что вы были явным противником существующей в СССР политической системы, однако об этом здесь до сих пор ничего еще не показываете.

Предлагаем показывать правду.

— Враждебно настроенным к советской власти я не был и об этом никогда таких взглядов не высказывал.

Я клеветнически заявлял, что в Советском Союзе не выполняются принципы демократизма, изложенные в конституции, что у нас отсутствует свобода слова, печати, но никогда не говорил, что являюсь противником существующего в СССР строя.

— Неправда. Следствию известно, что о своей враждебности к советской власти вы говорили систематически и разным лицам. Предлагаем показывать об этом.

— Об этом я никому подобных взглядов не высказывал и таких людей, которым бы я говорил о своей враждебности к советской власти, быть не может.

— Вам предъявляется выдержка из показаний арестованного Э., где сказано следующее: «Белинков Аркадий резко антисоветски настроенный человек. Он неоднократно подчеркивал, что является противником советской власти и вообще всего связанного с принципами социализма и коммунизма. Белинков не признавал философию марксизма-ленинизма...» Как видите, вы достаточно изобличаетесь в том, что показываете здесь явную неправду. Намерены ли вы приступить к откровенным и правдивым показаниям?

— Я не отрицаю, что неоднократно и не одному Э. говорил о том, что при советской власти меня не удовлетворяет вопрос о демократизме, был решительным противником фи-

Аркадий Белинков. 60-е гг.

лософии марксизма-ленинизма, отрицал коллективизм и стоял на позициях индивидуализма. Однако я никогда не говорил, что являюсь противником советской власти, и в этой части Э. показывает неправильно.

— Какой смысл показывать о вас неправильно?

— Этого я не знаю. Но причин к этому у Э., на мой взгляд, быть не могло. Взаимоотношения у меня с ним были совершенно нормальные. Я говорил Э., что являюсь противником диктатуры пролетариата, что советская власть породила отсутствие демократических свобод.

Больше я ему ничего не говорил, если не считать моих высказываний и взглядов на философию марксизма-ленинизма.

— Вы опять пытаетесь изворачиваться и не показываете правду до конца. Учтите, что из этого у вас ничего не выйдет.

14 июня 1944 года.

Начало допроса в 10 час. 30 мин.
Допрос окончен в 16 час. 30 мин.

(...)

— Воспроизведите содержание ваших антисоветских высказываний, проводившихся в присутствии Р.

— Зимой 1942—43 гг., после возвращения Р. из эвакуации (была она в Свердловске), я ей говорил о том, что в Советском Союзе якобы отсутствует свобода печати, свобода высказываний, что европейские государства будто бы в этом отношении имеют преимущество по сравнению с нашим, что взгляды мои ничего общего с марксизмом не имеют, что марксизм устарел и нуждается в целом ряде коррективов, что роль, которую сыграл в истории человечества марксизм, никак не выше роли, которую сыграли кантианство, гегельянство, марбургская школа и другие философские учения.

Далее я говорил, что эстетики, как и самого социалистического реализма, не существует и что это, дескать, «нелепая выдумка Горького», что люди, исповедующие эту систему, в большинстве случаев бездарности и преследующие в данном случае исключительно меркантильные цели.

Говорил также, что эти бездарности оказались полезными советскому государству в силу того, что у нас искусству приписывается не свойственное ему качество влияния на общество, и благодаря этому обстоятельству, продолжал я, ряд истинно талантливых писателей отодвигаются на вторые места.

Больше своих высказываний антисоветского порядка не помню.

— Известно, что ваши антисоветские высказывания в присутствии Р. далеко не ограничиваются теми фактами, которые вы воспроизвели выше. Предлагаем показывать откровенно.

— В присутствии Р. никаких иных антисоветских высказываний, кроме тех, которые я уже назвал, я не допускал.

— Неправда. Следствие располагает неоспоримыми данными о том, что антисоветские высказывания вами в присутствии и в разговорах с Р. проводились систематически. Эти, ваши антисоветские высказывания

далеко не ограничиваются только теми фактами, которые вы назвали здесь. Еще раз предлагаем назвать все, что было.

— Кроме названных мною фактов я больше других своих высказываний антисоветского характера в присутствии Р. не помню.

— Напомним вам отдельные факты. В своих показаниях от 10 июня 1944 года Р. относительно ваших антисоветских взглядов говорит следующее:

«Белинков был резко враждебно настроен к существующей действительности. В своих антисоветских высказываниях он возводил клевету по любым фактам современности...»

Прежде всего чувствовалось во всем его какое-то крайнее недовольство и раздражение. Это касалось в большинстве случаев вопросов, связанных с литературой или вокруг литературы...»

Правильно ли показывает Р.?

— Мои антисоветские взгляды вы-

Аркадий и Наталья Белинковы. 1967.

ражались в том, что я был противником существующего строя в той части, что считал буржуазно-демократический строй с его свободами слова, печати более приемлемым для себя, чем то же самое при советской власти. Ибо, в последнем случае, я считал, и говорил об этом Р., что в нашем государстве сейчас отсутствует свобода слова и печати.

Резко враждебно относился также к мероприятиям партии и правительству в вопросах литературы.

Что же касается, как показывает Р. относительно моей клеветы по любым фактам современности, я должен сказать, что в разговорах я никогда не касался и не возводил клеветы на вопросы, связанные с другими областями народного хозяйства страны. Я никогда не касался в разговорах вопросов или фактов из области промышленности, сельского хозяйства и другое.

— Р. показала далее:

«Весной 1941 года мы с Белинковым как-то разговорились о перспективах нашей литературы. Он заявил тогда, что в условиях сегодняшней действительности перспектив на то, что литература будет развиваться и прогрессировать, нет. Объяснил он это тем, что в нашей стране будто бы нет свободы слова, печати, что писать то, что намерен и желаешь писать, писать нельзя. Я ему напомнила содержание классической работы Ленина «О партийности в литературе»... Белинков клеветнически заявил, что взгляды, изложенные Лениным, будто бы стесняют свободу слова, печати и усиливают утилитаризм литературы...»

А эти разговоры у вас с Р. были?

— Да, здесь Р. показывает правильно. Разговор такой с ней у меня был, и такие высказывания с моей стороны также были. Только относительно статьи Ленина у меня серьезное сомнение в том, что говорила ли

мне о ней Р. Другое дело, в присутствии Р. на заседании Комитета ВЛКСМ в Литературном институте в сентябре 1943 года разбирался вопрос о моих взглядах и поведении, и тогда зам. директора литинститута Щ. заявила, что я незнаком с работой Ленина «О партийности в литературе». Тогда я в своем выступлении заявил, что высказывание Ленина в этой его работе для меня неприемлемо. Мое такое выступление было после того, как на заседании комитета ВЛКСМ мне зачитали отдельные выдержки из высказываний Ленина в этой его работе и совершенно определенно спросили, как я смотрю на это. Вот тогда я и высказал свой взгляд в такой форме.

— Зачитываем вам выдержку из показаний свидетеля Р. следующего содержания:

«Касаясь вопроса о жизненном уровне населения в нашей стране, Белинков мне говорил, что у нас будто бы хорошо живут и вполне удовлетворены своим положением только одни верхи.»

Другой раз он высказал свою мысль в том направлении, что в Советском Союзе диктатура, которая не дает свободы в литературе писателям такого типа, как он, и у него, дескать, такова уж судьба, что его произведения никогда не напечатывают.

Чувствовалось, что советская действительность его не устраивает, и говоря о том, что ему со своими взглядами не удастся пробить себе дорогу в литературе, он не скрывал при этом свое резкое раздражение и озлобление.»

Когда вы об этом разговаривали с Р.?

— Разговор относительно того, что будто бы в Советском Союзе диктатура не дает свободы писателям подобно мне, я вел с Р. зимой 1943 года или у меня или у нее на квартире. В этой части она показывает совершенно правильно. Что же касается вопроса о жизненном уровне населения в нашей стране и о том, что своим положением будто бы удовлетворены только верхи, я ей не говорил. Возможно, я говорил ей относительно уровня

жизни крупных писателей или артистов, но об этом я сейчас ничего не помню.

— Но ваши клеветнические высказывания о советской литературе вовсе не ограничивались только этими фактами. Р., как она показывала далее, вы говорили:

«...раньше у нас была литература довоенная, сейчас военная, а впредь будет послевоенная и, следовательно, никаких изменений в литературной политике при существующей действительности не будет. Это заводит, говорил Белинков, нас — литераторов в тупик, на будущее надежд никаких нет. Мы никогда не напишем тех книг, какие бы нам хотелось.»

Однажды, касаясь такой же темы, Белинков заявил: «Если бы я родился во Франции, я был бы счастлив...»

В творчестве Белинкова чувствовалось явное тяготение к «формализму». Он, чуть ли не захлебываясь, рассказывал мне о том, что его роман «Черновик чувств» понравился писателю Шкловскому, которому он намерен посвятить этот роман...»

Правильно показывает Р.?

— В данном случае Р. показывает все правильно. Такие клеветнические высказывания мною действительно в ее присутствии были. Относительно того, что «Черновик чувств» я намеревался посвятить Шкловскому, она показывает несколько неточно, так как я не только намеревался это сделать, но и фактически «Черновик чувств» был посвящен Шкловскому. Что же касается моего желания родиться во Франции, то этого я никогда не говорил и Р. здесь показывает неправильно.

— Какой смысл показывать, как вы говорите, неправду Р.?

— Этого я не знаю.